

## Политология

С.С. Косихина

### ПЕРЕХОД К МНОГОПАРТИЙНОСТИ В КАНАДЕ (1993-2006)

*The article is devoted to the issue of the Canadian party system's transformation in late nineties of the XX<sup>th</sup> century through the beginning of the XXI<sup>st</sup> century.*

История Канады неотделима от истории ее партий. Это закономерно в стране, в которой рождение партий предшествовало рождению государства. Развитие Канады в большей степени, чем какой-либо другой страны, определяется партийными деятелями, партиями, моделью партийного соревнования. Именно сменяющие друг друга у власти партии определяют вектор развития канадского общества, именно на них возложена обязанность управления страной в соответствии с канадскими принципами и ценностями.

Основополагающая роль партий в политической системе канадского общества хорошо осознается канадцами, в силу чего к партиям предъявляются завышенные требования. Миролюбивая нация, лишь однажды – в 1837 г. – позволившая себе вооруженное восстание, выработала механизм выплескивания недовольства, создав уникальную партийную систему. Как отмечают канадские политологи К. Карти, У. Кросс и Л. Янг, «... когда канадцы разочаровываются в национальной политике и системе управления и встает вопрос, что делать дальше, их инстинктивным ответом является смена партийной системы» [8, р. 4]. За полтора столетия существования партийная система Канады трижды проходила через периоды трансформации, кардинально изменявшие ее:

с момента зарождения, в середине XIX в., до 1961 г. она относилась к классическим двухпартийным системам;

в период с 1961 г. по 1993 г. приобрела характер системы «двух с половиной» партий [1, с. 68];

наконец, после знаковых выборов 1993 г. «федеральная партийная система Канады обрела черты многопартийности европейского типа» [2, с. 232].

При этом нетронутыми оставались основополагающие принципы партийной системы: альтернативность, преемственность и консенсус. Канадская партийная система – пример последовательного поступательного развития; с одной стороны, она сохраняет связь с изначальной структурой, с другой, – с каждым этапом своей эволюции принимает новые формы.

В рамках данной статьи нами предпринята попытка анализа причин, обусловивших партийную трансформацию на этапе перехода от «двух с половиной» партийности к многопартийности, и, в свою очередь, определения воздействия партийной трансформации на эволюцию программных установок парламентских партий в 1993-2006 гг.

В 1993 г. на политическую арену Канады вышли два новых участника: Партия реформ и Квебекский блок. Их появление изменило партийный ландшафт и модель соревнования, существовавшую в Канаде с 60-х гг. XX в.

По результатам выборов 1993 г. в парламенте сформировалось пять партийных фракций:

либеральная, получившая 41,3% голосов избирателей и 177 парламентских мест;

квебекский блок, получивший 13,5% голосов и 54 места в парламенте;

партия реформ, за которую проголосовало 18,7% избирателей и которой досталось 52 парламентских места; новая демократическая партия, получившая 6,9% голосов избирателей и 9 мест в парламенте;

консервативная партия, предпочтение которой отдали лишь 16% избирателей, вследствие чего ей досталось только 2 места в парламенте. С первого места в федеральной политике консерваторы оказались отодвинутыми на пятое.

Одно место получил независимый кандидат [12].

Выборы произвели радикальную перегруппировку политических сил. Во-первых, впервые в истории Канады официальную оппозицию сформировала третья партия – Квебекский блок, а одна из традиционных партий, Консервативная, оказалась в числе аутсайдеров. Система «двух с половиной партий», таким образом, превратилась в многопартийную.

Во-вторых, Либеральная партия смогла восстановить статус правящей, получив в три раза больше мест, чем ее ближайший конкурент – Квебекский блок. Победу либералов аналитики рассматривали как «безопасное голосование». Избиратели выдали ей предпочтение потому, что «... в отличие от остальных партий она придерживалась умеренной политики и не была замечена в политических скандалах» [8, р. 124]. В пользу Либеральной партии говорил и ее предшествующий почти шестидесятилетний опыт пребывания у власти.

В-третьих, выборы 1993 г. принесли консерваторам худший за всю историю существования этой старейшей организации результат, что поставило их на грань политической смерти. Причины поражения консерваторов следует искать в политике, проводившейся ими в период 80-х – начала 90-х гг. XX в. Намерение премьер-министра Б. Малруни на конституционном уровне закрепить особый статус Квебека не было поддержано значительной частью канадцев, что нашло выражение в отказе большинства провинций ратифицировать Мич-Лейкское соглашение. По мнению крупного отечественного канадооведа С.Ю. Данилова, «в спорах вокруг Мич-Лейка Малруни лишился репутации выразителя и защитника общеканадских интересов... Федерация же оказалась разьединенной по языковому и региональному принципу глубже и опаснее, чем когда-либо ранее» [2, с. 226].

Провал конституционных реформ конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. привел к росту убежденности как населения Квебека, так и населения западных провинций, что проблема не может быть решена традиционными методами и традиционными партиями. Массовая база поддержки Консервативной партии стала откровенно разваливаться. К 1990 г. оформились две новые партии – основанная западноканадцами Партия реформ и созданный квебекскими сепаратистами Квебекский блок. К новым партиям присоединились многие бывшие консерваторы, в том числе около десяти депутатов. Лидером Квебекского блока стал бывший министр и старинный приятель Б. Малруни Люсьен Бушар. Уход Бушара к сепаратистам явился сенсацией [2, с. 227].

В-четвертых, впервые в истории Канады места в парламенте получила националистическая партия – Квебекский блок.

Таким образом, после выборов 1993 г. лидирующую позицию в канадском парламенте заняли либералы. Партия реформ и Квебекский блок делили второе место, а консерваторы и новые демократы оказались в положении

аутсайдеров. Федеральная партийная система Канады в 1993 г. обрела черты многопартийности европейского типа [2, с. 232].

Следующие выборы, назначенные новым премьер-министром Жаном Кретьеном на 2 июня 1997 г., сохранили расстановку сил, хотя и внесли в нее некоторые изменения. Либеральная партия смогла сохранить лидирующее положение, потеряв 17 парламентских мест. Квебекский блок потерял 2,8 % голосов и 10 парламентских мест и утратил статус оппозиции. Партия реформ, сменившая Квебекский блок на посту официальной оппозиции, не смогла значительно увеличить свою электоральную базу, однако приобрела восемь новых мест в парламенте. Новая демократическая партия и консерваторы смогли вернуть потерянные позиции в парламенте, получив соответственно 21 и 20 мест [12].

Таким образом, выборы 1997 г. не внесли кардинальных изменений в расстановку сил. В то же время разрыв между партиями в парламенте сократился, намечились признаки усиления позиций Партии реформ и ослабления Квебекского блока.

Прошедшие через три с половиной года – 27 ноября 2000 г. – выборы подтвердили эту тенденцию. Преобразованный из Партии реформ Канадский альянс смог усилить свою позицию на шесть парламентских мест, тогда как Квебекский блок потерял шесть мест. Победителем выборов 2000 г. оказалась Либеральная партия, сумевшая восстановить потерянные в 1997 г. места. Наибольшие потери понесли Новые демократы и Консерваторы. Данные партии потеряли 8 парламентских мест [12]. Ни одна партия не составила серьезной конкуренции либералам, переживавшим свои лучшие времена: если за всю историю партии ее доля в парламенте составляла в среднем 47%, то в 90-х гг. XX в. она увеличилась до 56% [12]. Парламент стал представлять трехуровневую структуру: либералы занимали лидирующее положение, Канадский альянс – средние позиции, а Новая демократическая партия и Консерваторы – маргинальные.

Определив расстановку сил на новом этапе развития партийной системы, представляется целесообразным перейти к анализу идеологических и программных позиций партий. Безусловный интерес представляют новые партии – Партия реформ и Квебекский блок, чье появление кардинальным образом изменило партийную систему Канады в 1993 г. и явилось одной из существенных причин ее трансформации из системы «двух с половиной партий» в многопартийную.

Партия реформ была образована в начале 1987 г. группой бизнесменов из Калгари, проявлявших серьезное недовольство политикой кабинета Б. Малруни в отношении западных провинций и полагавших, что правительство уделяет Квебеку чрезмерно много внимания. В программной речи «Новая Канада» лидер партии Престон Мэннинг подчеркивал: «Практически любая конституционная инициатива, предпринимаемая правительством с целью дать Квебеку возможность почувствовать себя в Конфедерации как дома, усиливает западное отчуждение и увеличивает количество канадцев, не чувствующих себя в Конфедерации как дома» [13, р. 78.]. Партия участвовала в федеральных выборах 1988 г., однако получила лишь 2,1% голосов избирателей [12]. Причина ее неудачного дебюта заключалась в заинтересованности многих жителей западных провинций в подписании соглашения о свободной торговле с США и в связи с этим – в их голосовании за консерваторов. После отказа населения страны проголосовать за новую конституционную реформу правительства Б. Малруни на референдуме 26 октября 1992 г. по Шарлоттаунскому соглашению поддержка Партии реформ усилилась за счет перешедших на ее сторону бывших избирателей Консервативной партии.

Регионализация электоральной поддержки обеспечила Партии реформ имидж защитника западных интересов.

Основными положениями ее программы были идеи децентрализации федерации и обеспечения равенства провинций посредством реформирования Сената по образцу США. Реформа Сената предполагала отказ от назначаемости сенаторов и переход к их выборности, а также равное представительство в верхней палате парламента от каждой провинции [16]. Эта идея была очень популярна в провинции Альберта, где Партия реформ всегда получала значительную поддержку жителей.

Экономическая политика партии была направлена на ограничение роли государства с точки зрения его вмешательства в бизнес. В программе содержались предложения приватизации некоторых крупных государственных корпораций и значительных налоговых послаблений для частных лиц и предпринимателей [16].

Отличительной характеристикой идеологической позиции Партии реформ стал консервативный подход к общественному развитию, который можно определить как «этический и моральный традиционализм». Последний предполагал усиление роли семьи, поддержку смертной казни, запрет аборт, негативное отношение к расширению прав сексуальных меньшинств и т.д. [16]. Партия приобрела репутацию экстремистского защитника традиционных ценностей. В действительности же, партия и партийное руководство предпочитали позицию невмешательства по этим вопросам, исходящую из убежденности, что решение должно приниматься в той провинции, где население сочтет нужным вынести эти проблемы на обсуждение.

Партия реформ выражала протест против проведения финансируемой государством политики двуязычия и мультикультурализма. Реформисты заявляли, что данная политика неэффективна, а все вопросы, связанные с языковой проблемой, следует передать на провинциальный уровень. Иммиграционная политика реформистов была направлена на сокращение приема иммигрантов из стран «третьего мира». Подчеркивалось, что «... увеличение количества прибывших из «неблагополучных» стран имеет следствием рост преступности и снижение социального благополучия в канадском обществе» [16].

В избирательной кампании 1997 г. Партия реформ преследовала две задачи – расширить электоральную базу за счет получения мест от провинции Онтарио и получить статус официальной оппозиции [15]. Решению поставленных задач, по мнению партийного руководства, должна была способствовать перегруппировка всех правых сил в стране, протекающая в русле организационного слияния Партии реформ с консерваторами или, по крайней мере, в заключении с ними блокового соглашения. «Мы живем лишь благодаря общественной поддержке, поэтому для нас очень важно постоянно развиваться», – подчеркивал Престон Мэннинг, обосновывая предложение консолидировать правые силы в рамках новой политической структуры [15]. Консерваторы на этапе избирательной кампании 1997 г. от объединения с Партией реформ отказались.

Несмотря на это, новая партия под названием Канадский альянс была создана в марте 2000 г. На национальном партийном конвенте, прошедшем в июле 2000 г., Престон Мэннинг проиграл Стоквеллу Дюю, который стал новым лидером партии. Преобразование Партии реформ в Канадский альянс, действительно, самым благоприятным образом повлияло на позиции новой партии и расширило ее электоральную базу – уже к лету 2000 г. в нее вступило более 100000 новых членов [1, с. 78]. В идеологии новой партии не было существенных изменений, наблюдалось лишь развитие основных положений старой партии по социальным и моральным вопросам.

Выборы 2000 г. отличались отсутствием серьезных проблем в повестке дня. В этих условиях на первый план вышли проблемы социального развития, по которым Канадский альянс занимал резко отличавшуюся от других партий позицию. С одной стороны, сохранялась политика невме-

шательства, свойственная предшественнице – Партии реформ, – по дискуссионным проблемам эвтаназии, запретов на аборт. С другой стороны, была занята более четкая позиция по вопросам семьи. При этом проблемы семьи из социального раздела партийной программы были перенесены в экономический, став ее основным пунктом. Выдвигалось требование реструктуризации налогового обложения для семей с детьми. Институту семьи уделялось внимание и в разделе, касающемся моральных вопросов. Канадский альянс категорично высказался против расширения прав гомосексуалистов, в частности их права на брак. Последнее квалифицировалось как «угроза традиционному семейному укладу» [5]. В предвыборной платформе подчеркивалось: «Мы будем защищать традиционную семью. Мы будем защищать институт брака, понимаемый как союз между мужчиной и женщиной» [5]. Жесткая позиция партии по указанным вопросам привела к формированию, как и в случае с Партией реформ, ультраправого имиджа Канадского альянса.

Таким образом, региональный статус не позволил ни Партии реформ, ни Канадскому альянсу составить серьезной конкуренции либералам. В то же время Канадскому альянсу удалось успешно занять «правую» нишу политического спектра.

Второй новой политической партией, появление которой обусловило трансформацию партийной системы Канады, стал Квебекский блок. Это политическое объединение возникло еще в 1990 г., когда группа представителей либеральной партии объединилась в союз с провинциальной консервативной партией для защиты интересов Квебека. Квебекский блок стал первой националистической партией, добившейся очевидного успеха в партийно-политическом поле федерации в целом.

Как указывалось в программе партии «Декларация принципов», Квебекский блок является «... сепаратистской партией, которая будет присутствовать на федеральной сцене вплоть до полного отделения Квебека от Канады» [4]. Необходимость отделения Квебека пояснялась Люсьеном Бушаром, первым партийным лидером, в работе «On the Record»: «Я пришел к следующему заключению: федеративная структура тормозит развитие Квебека и лишает его возможности выйти в мир. Очевидно и обратное: наличие Квебека – конфликтующего, требовательного и несчастного – препятствует развитию Канады. ... Если мы не разрушим этот гордиев узел, то и Канада, и Квебек обречены на стагнацию» [6, р. 48].

Фактически Квебекский блок представлял партию одной цели – отделения Квебека от Канады, одной нации – франкоязычных канадцев, одной провинции – Квебека. Регионализация электоральной поддержки Квебекского блока обеспечила ему представительство в парламенте. Выборы 1993 г. стали триумфальными для сепаратистов. Они получили 54 места в парламенте и возможность сформировать официальную оппозицию [12]. В 1995 г. при участии партии в Квебеке был проведен референдум о независимости, который оказался неудачным для сепаратистов. Квебек остался в составе Канады. Это сделало очевидным тот факт, что вопрос об отделении провинции откладывается на неопределенное время. Поддержка сепаратистов квебекцами сузилась. Однако партия заняла прочное место в федеральной политической системе.

Несмотря на то, что центральным моментом, вокруг которого партия выстраивала свою политику, был вопрос предоставления Квебеку особого статуса в рамках Канадской конфедерации, в своих предвыборных платформах партия не могла не затрагивать экономические и социальные проблемы.

Экономическая программа Квебекского блока касалась прежде всего двух вопросов: изменения структуры перераспределения правительственных расходов и сокращения налогового бремени для наименее обеспеченных

слоев населения. По социальным вопросам Квебекский блок занимал позицию, характерную для левоцентристских партий. Его программа включала положения о «выравнивании» прав женщин, обеспечении условий для получения образования и трудоустройства молодежи, создании программ защиты престарелых [4].

В целом по этим вопросам партия занимала центристскую позицию. Она придерживалась более левых взглядов, чем либералы и консерваторы, но менее радикальных, чем социал-демократы в лице Новой демократической партии.

Обратимся к рассмотрению позиций традиционных партий, которые в 90-е гг. XX в. оказались перед новыми вызовами. Как уже упоминалось, Либеральная партия в 1993 г. не только сумела восстановить статус правящей, но и стать безальтернативным выбором для большинства избирателей. Однако она не предлагала новых путей решения старых проблем, как это пытались делать две возникшие партии. Сохранение своей политической позиции казалось либералам наиболее правильным. На наш взгляд, могут быть выделены следующие причины доминирующего положения либералов в партийно-политическом поле Канады в период 1993–2006 гг.

Во-первых, это своеобразная «всеохватность» партийной программы, получившей знаковое наименование «Возможность для каждого» («Opportunity For All»). В качестве главного принципа партийной деятельности был объявлен «... поиск удовлетворяющих всех решений и заключение одобряемых всеми сделок» [14, р. 10].

Во-вторых, выбор способа реализации данного принципа. Партийные платформы Либеральной партии на выборах в 90-х гг. XX в. представляли свод обещаний, адресованных целому ряду меньшинств, начиная от коренных народов и заканчивая недавно прибывшими иммигрантами.

В-третьих, дифференциация идеологического поля привела к распылению электоральной поддержки, что не позволяло ни одной из партий составить серьезную конкуренцию либералам. Так, правый лагерь политического поля был поделен между консерваторами и реформистами, после 2000 г. – между консерваторами и Канадским альянсом, а левый – между новыми демократами и сепаратистами. Все это делало невозможным создание единой оппозиции либеральному правительству.

Наконец, доминирующему положению либералов способствовало и улучшение экономической ситуации в стране. Умелая экономическая политика Пола Мартина привела к тому, что уже к 1997 г. бюджетный дефицит снизился до 3%, а к 2000 г. возник бюджетный профицит, за которым последовало сокращение налогов с сохранением системы государственных расходов на социальные программы [10, р. 17]. Таким образом, либеральная политика привела к тому, что были удовлетворены как требования правых – сокращение налогов, так и левых – расширение программ социальной помощи.

Что касается Консервативной партии, то после выборов 1993 г. она не только потеряла значительную часть электората и статус официальной партии в парламенте, но и оказалась в условиях политического кризиса. Большинство идеологических принципов, которые ставили консерваторы во главу угла своей политической платформы, были взяты на вооружение другими партиями.

Идеологические позиции консерваторов оказались настолько размыты, что логично прозвучал вопрос, заданный журналистом одной из крупнейших канадских газет «The Toronto Star» лидеру партии Жану Шаре: «А есть ли у Вашей партии вообще какое-либо послание, которое Вы хотите донести до избирателей?». Последовавший ответ был плохо аргументирован и сводился к демагогической фразе: «Либералы думают, что мы живем хорошо, и хотят продолжить свой курс, однако я знаю, что мы можем жить лучше» [9].

Партийный кризис был преодолен только в первые годы XXI в., о чем свидетельствуют результаты внеочередных парламентских выборов, состоявшихся 23 января 2006 г. Консервативная партия под руководством Стивена Харпера одержала победу. За нее в общенациональном масштабе проголосовало 36,3% избирателей, что принесло ей 124 места в Палате общин и возможность сформировать правительство меньшинства. Место официальной оппозиции заняла Либеральная партия, получив 30,2% голосов избирателей и 103 места в парламенте. На третьем месте в парламенте с 51 депутатским мандатом оказался Квебекский блок, на четвертом – Новая демократическая партия – 29 депутатских мест [7]. Консервативная партия, оправившись после многолетних неудач, смогла, наконец, взять власть в свои руки. Этому способствовали два основополагающих фактора – объединение с Канадским альянсом и избрание новым лидером Стивена Харпера.

Как считали многие политические наблюдатели, перспективы Канадского альянса зависели от возможности партии оказывать влияние на состояние дел на федеральном уровне. Достичь этого можно было только заключением союза или даже слияния с консерваторами. Однако, как отмечалось выше, в 1997 г. объединение правого политического крыла не состоялось ввиду отказа консерваторов. Между тем, по мнению ряда аналитиков, лишь создание новой Консервативной партии на базе консолидации правых сил смогло бы остановить сползание страны к однопартийной системе [подробно см.: 3, с.65-78]. 12 декабря 2003 г. объединение состоялось. Предполагалось, что новосозданная партия, получившая название Консервативная партия, займет более жесткую, праворадикальную позицию по проблемам социальной и экономической политики. В марте 2004 г. С. Харпер был избран лидером новой партии.

Таким образом, очевидно, что партийная система Канады в 90-е гг. XX в. вступила в новый этап своего развития. На смену системе «двух с половиной» партий пришла многопартийная система. В результате, партийная система Канады стала представлять собой двухуровневую структуру, представленную тремя традиционными и двумя новыми региональными партиями, защищавшими интересы отдельных провинций.

Из трех традиционных партий Либеральная оказалась

в наиболее выгодном положении, сумев не только вернуться к власти после десятилетнего правления консерваторов, но и занять доминирующее положение в партийной системе. Такое положение вещей сохранилось до выборов 2006 г., ознаменовавшихся возвращением консерваторов к власти.

1. Ажаева В.С. Эволюция партийно-политической системы Канады в 90-х гг. // Канада: взгляд из России / отв. ред. В.И.Соколов. – М.: Анкил, 2002. – С. 67-81.
2. Данилов С.Ю. История Канады. – М.: Весь мир, 2006.
3. Комкова Е.Г., Барановский К.Ю. Выборы в Канаде: правые консерваторы у власти // США-Канада: Экономика, политика, культура. – 2006. – № 4. – С. 65-78.
4. Политическая платформа Квебекского блока [Электронный ресурс] // Bloc Québécois: офиц. сайт. – 2004. – Режим доступа: <http://www.blocquebecois.org/archivage/blq-depsyntese-anglo1.pdf>. – 11.11.2008.
5. A Time for Change: An Agenda of Respect for All Canadians [Электронный ресурс] // Canadian Alliance. – 2000. – Режим доступа: [http://www.canadianalliance.ca/platform\\_en.txt](http://www.canadianalliance.ca/platform_en.txt). – 11.11.2008.
6. Bouchard L. On the Record / L. Bouchard. – Stoddart: Don Mills, 1994.
7. Canadian Federal Election, 2006 [Электронный ресурс] // Powerset. – 2006. – Режим доступа: [http://www.powerset.com/explorer/semhtml/Canadian\\_Federal\\_Election\\_%2C\\_2006](http://www.powerset.com/explorer/semhtml/Canadian_Federal_Election_%2C_2006). – 10.01.2009.
8. Carty K., Cross W., Young L. Rebuilding Canadian Party Politics. – Vancouver: UBS Press, 2000.
9. Charest's Interview [Электронный ресурс] // Canoe.ca: офиц. сайт. – 1997. – Режим доступа: [http://www.canoe.ca/FedElection/charest\\_interview.html](http://www.canoe.ca/FedElection/charest_interview.html). – 11.11.2009.
10. Clarkson S. The Liberal Threepeat: The Multy-System Party in the Multy-Party-System. – Toronto: Dundurn Press, 2001.
11. Declaration of Principe et Orientation du Bloc Québécois [Электронный ресурс] // Bloc Québécois: офиц. сайт. – 2004. – Режим доступа: [http://www.bloc.org/2004/archivage/D%2C3%A9claraton+orientation\\_2000.pdf](http://www.bloc.org/2004/archivage/D%2C3%A9claraton+orientation_2000.pdf). – 02.04.2009.
12. Elections 1867-2000 [Электронный ресурс] // Canadahistory: офиц. сайт. – 2006. – Режим доступа: <http://www.canadahistory.com/canadahistory/sections/politics/elections.htm>. – 11.11.2008.
13. Manning P. The New Canada. Speech at the Canadian Club of Toronto. 11 October 1990 // The Empire Club of Canada Speeches 1990-1991. – Toronto: The Empire Club of Foundation, 1992. – P. 71-83.
14. Opportunity For All. The Liberal Plan for the Future of Canada. – Ottawa: Liberal Party of Canada, 2000.
15. Preston Manning's Interview [Электронный ресурс] // Canoe.ca: офиц. сайт. – 2000. – Режим доступа: [http://www.canoe.ca/FedElection/manning\\_interview.html](http://www.canoe.ca/FedElection/manning_interview.html). – 11.11.2009.
16. Reform Party of Canada [Электронный ресурс] // Powerset. – 2006. – Режим доступа: [http://www.powerset.com/explorer/semhtml/Reform\\_Party\\_of\\_Canada](http://www.powerset.com/explorer/semhtml/Reform_Party_of_Canada). – 4.10.2008.

Р.Ф. Назарова, Ю.Д. Кокамбо

## ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Mass political consciousness of present Russia:  
problems of its modernization on and adoption.*

Социально-политическое реформирование российско-го общества, демократизация политических процессов, изменение характера политического участия предопределили выдвигание феномена политического сознания в число наиболее актуальных и изучаемых. Категория «политическое сознание» как научная проблема существует достаточно давно. В последние годы анализ различных аспектов современного состояния политического сознания является предметом исследования ряда ученых (В.Э. Бойков, В.А. Трушин, Г.Г. Дилигенский, Д.В. Олшанский, Н.И. Козлова, А.С. Панарин и др.)<sup>1</sup>.

В отечественной и зарубежной науке существуют различные концептуальные подходы к проблеме массового политического сознания, которые обуславливаются объективной сложностью явления и реальными трудностями его

выделения из многообразной и взаимосвязанной системы общественного сознания. Г.Г. Дилигенский, уточняя феномен массового политического сознания, утверждает, что его «правомерно рассматривать как подсистему системы «массового сознания», обладающую специфическими механизмами детерминации и, следовательно, определенной относительной автономией в рамках данной системы»<sup>2</sup>.

Неоднозначны подходы ученых к выделению тех или иных определяющих компонентов в структуре массового политического сознания. В научной литературе встречается точка зрения об идеологии как ведущей стороне этого процесса, характеризующей в конечном счете состояние массового политического сознания<sup>3</sup>. Часть исследователей рассматривает массовое политическое сознание как особый вид психологического отражения объективной действительности<sup>4</sup>. По мнению большинства ученых, массовое политическое сознание – это особый вид отражения объективной действительности, субъектом которого выступают все члены данного общества и который обрывается в процессе их социализации, взаимодействия и взаимовлияния. Реализуется массовое политическое сознание в форме теоретических и психологических представлений и оценок политической действительности.